

К сожалению, Малькольм не касается такого важного фактора расслоения деревни, как отходничество, широко распространенное во всей Танганьике. В частности, известно, что на территории Сукумаленда, в дистрикте Шиньянга, ведется разработка алмазных рудников⁵; в окрестностях г. Мванза имеются предприятия обрабатывающей промышленности; наконец, по территории Сукумаленда с севера на юг проходит железная дорога, соединяющая три порта: Мванза, Дар-эс-салам и Кигома. Все это позволяет предположить, что определенный процент сукума уходит на заработки.

Автор описывает один из видов общественных работ — выкапывание новых водоемов. Работа эта очень тяжелая, производится вручную, при помощи одной только кирки. Указывая, что в 1947 г. при прорытии одного водоема часть работ была механизирована, Малькольм старается оправдать применение ручного труда. Он пишет: «было бы ошибкой всю работу механизировать», не только потому, что механизация стоит сравнительно дорого, но и потому, якобы, что «существующая практика самопомощи рекомендует это» (т. е. применение ручного труда. — М. Р.; стр. 172).

Значительное место в книге занимает вопрос о так называемом косвенном управлении. Основная цель автора — доказать, что косвенное управление — наилучшая форма управления населением Сукумаленда, что необходимо всеми силами стараться сохранить современную социальную структуру, всю сложную иерархию вождей, старшин и т. д. Вместе с тем материал, приводимый самим же Малькольмом, доказывает искусственность его теоретических построений, чисто формальный характер всей системы косвенного управления. Вожди и старшины, в которых автор видит восстановленную местную власть, фактически являются лишь дешевым административным аппаратом колониальных властей, прикрытием империалистического произвола. Вожди получают жалованье от колониальной администрации. Так, например, Мажебере (руководитель федерации Сукумаленда) получает в год до 1000 фунтов стерлингов⁶.

Несмотря на известные недостатки, книга Малькольма, дающая богатый фактический материал о народе сукума, представляет большой интерес для советского этнографа.

М. Райт

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Dick Edgar Ibarra Grasso, Director del Museo Arqueológico. Universidad Mayor de San Simon. *La escritura indígena Andina*. Biblioteca Paceña. Alcaldía municipal. 1953.

Среди многочисленных работ, опубликованных индеанистами Боливии за последние годы, рецензируемый труд является, несомненно, одним из наиболее интересных и серьезных. Он распадается на две части. Первая, меньшая по объему, но основная часть содержит главным образом теоретические положения. Вопрос об индейской письменности Андского нагорья автор рассматривает в нескольких аспектах: степень древности данной системы письма, его происхождение, характерные особенности, сопоставление с другими известными системами письменности американского континента, распространение в наши дни. Помимо этого, здесь приводятся дословные комментированные переводы нескольких иероглифических текстов. Вторая часть книги — чрезвычайно обширное «Приложение» — заполнена в основном публикациями текстов и краткими к ним комментариями. Библиография, помещающаяся между основной частью и приложением, охватывает сорок пять работ двадцати семи современных авторов и древних хронистов.

До сих пор среди большинства ученых господствует мнение, что у древних перуанцев было только так называемое «узелковое письмо» (кипу). Это «узелковое письмо» (связки шнурков с узелками) употреблялось главным образом для сообщений статистического характера (цвет шнурка указывал предмет, а узелки — количество). Таким образом, получалось, что перуанцы, создатели древней цивилизации Южной Америки, не имели не только никакой письменности, но даже ликтографии.

Работа Ибарра Грассо показывает, что общепринятое мнение об отсутствии у перуанцев письменности неосновательно.

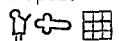
Первые сведения о наличии самобытной письменности у андских индейцев (у айма-ра) появились к середине прошлого столетия в работах Чуди, обнаружившего ее на острове Коати (озеро Титикака). Чуди не придавал этому факту большого значения, так как считал открытую им письменность местным явлением недавнего происхождения. Однако впоследствии исследователи обнаружили ее образцы и в других местностях, причем не только у айма-ра, но и у кечуа. В настоящее время, прежде всего благодаря экспедициям самого Ибарра Грассо, можно безошибочно утверждать, что упомянутая письменность распространена на большей части территории расселения кечуа и айма-

⁵ Tanganyika report for the year 1952, стр. 129.

⁶ Средний доход рядового общинника-налогоплательщика сукума определяется автором в 70 шиллингов в год. Таким образом, одно только денежное довольствие вождя превышает доход общинника более чем в 280 раз.

ра в Боливии, от озера Титикака до южных границ страны, а также в южных районах Перу. По некоторым же другим данным, письменность андских индейцев переступает перуанско-эквадорскую границу на севере и боливийско-аргентинскую на юге.

Анализ текстов¹ показывает, что перед нами нероглифическое письмо (а не идеогрифическое, как утверждал Чуди). Оно содержит как идеогаммы, так и фонетические знаки. Изредка встречаются ключевые знаки (детерминативы). Среди идеогамм есть реалистические рисунки, стилизованные рисунки и условные символы. Фонетические знаки, как и в других нероглифических системах, лишь приблизительно указывают на чтение. Нередко наблюдается употребление фонетического знака в качестве идеогаммы и наоборот. Для иллюстрации вышесказанного приведем несколько примеров.

 huarmicunamanta (порядок чтения нероглифов слева направо) — «из женщин». Первый знак — слабо стилизованная идеогамма *huarmi* — «женщина». Второй знак — фонетический, передающий звучание аффикса множественного числа *cuna*, представляет собой стилизованное изображение мельничного жернова (*cuna* или *cona*). Третий знак (также фонетический) — сильно стилизованное изображение одеяла *manta*, передает звучание аффикса исходного падежа *manta*. Второй знак употребляется также в качестве идеогаммы в значении «теперь», «сейчас» (*cunán*).

 huahuaquiri (последовательность чтения справа налево) — «твой сын». Этот пример иллюстрирует приблизительность фонетических знаков. Второй знак *quiri* (зуб, челюсть) передает звучание аффикса принадлежности *quiri*. Кстати, на примере можно хорошо наблюдать также многозначность отдельных знаков, поскольку в ряде других сочетаний этот нероглиф читается как *simi* (рот, язык, заповедь), а иногда и как *Cristo* (Христос).

Автор труда подразделяет знаки на три группы: «знаки прямого изображения» (*signos de representación directa*), символические и фонетические. Такая классификация имеет свои основания, но, на наш взгляд, излишне усложняет анализ знаков.

Число знаков колеблется в зависимости от местности. Округленно можно говорить о 500 знаках. Начертание знаков слабо унифицировано и также не тождественно в различных местностях. Это явление объясняется тем, что письменность используется только для местных нужд. Текст обычно записывается горизонтальными строчками, которые идут снизу вверх и в бустрофедонном порядке. Часто встречается неполное написание слов. Тексты, — как правило, католические молитвы — записываются писцами-специалистами (среди которых много женщин). Орудие письма служит палочка, при помощи которой пишут анилиновыми красками или соком кактуса на бумаге или коже. Имеются надписи на камне. Значительный интерес представляют нероглифические записи, сделанные глиняными фигурками, расположенными на глиняных же дисках или прямоугольниках в бустрофедон или по спирали.

Значительную часть своей работы Ибарра Грассо посвящает доказательству древнего происхождения индейской письменности. Автор ссылается на свидетельства нескольких хронистов, повествующих о наличии у древних инков «полотнищ» или «досок» с начертанными на них историческими и мифологическими сведениями и сообщениями инкских чиновников, ревизовавших провинции. Эти «доски» или «полотнища» хранились, по словам хронистов, в одном из залов Храма Солнца в Куско, куда, кроме Верховного Инки, право доступа имело лишь очень ограниченное число лиц. Хронисты говорят при этом не о письменности, а о «рисунках», а некоторые из них даже утверждают, что индейцы не знали письменности. Ибарра Грассо убедительно показывает, что под словом «письменность» хронисты понимали алфавитную испанскую письменность, а нероглифы они вполне могли называть рисунками.

В настоящее время от этих текстов не осталось и следа: они погибли в период вторжения европейцев-конкистадоров.

Современные индейцы по-разному объясняют происхождение своей письменности. Одни считают ее недавним изобретением или, что для некоторых мест вполне вероятно, нововведением; другие приписывают ее изобретение «Королю-инке».

Наличие знаков, происхождение и первоначальный смысл которых не могут быть объяснены в настоящее время, также подтверждает предположение о древнем происхождении индейской письменности. Автор приводит и другие доказательства правильности своей точки зрения. Так, в самых старых словарях кечуа и аймара встречается слово *quillca* (или *quellca*) в значении «бумага, письмо, написанное». Это слово широко распространилось среди многих других индейских народов: на север — до центральной Колумбии, на юг — вплоть до области расселения арауканов. Столь широкое распространение слова, несомненно, говорит о древнем его происхождении. Однако ни один словарь не поясняет, к какому именно типу бумаги или письма оно применялось. Один

¹ Почти все приведенные Ибарра Грассо тексты содержат католические молитвы. Правда, есть два текста светского содержания, но они не могут быть успешно использованы для анализа, так как один из них — очень короткая школьная песенка (всего 18 знаков), записанная по просьбе самого Ибарра Грассо, а второй (государственный гимн Аргентины) — не снабжен пояснительным текстом.

из старых авторов Уаман Пома де Аяла, наряду с применением этого слова к кипу («узелковое письмо»), совершенно определенно обозначал им алфавитное испанское письмо. В свою очередь Ибарра Грассо обнаружил, что современные индейцы Боливии применяют его только к бумаге, содержащей какой-либо текст, алфавитный или иероглифический. Чистая бумага носит другое название. Кроме того, quillsa имеет все свойства глагола. Из сопоставления этих фактов опять-таки напрашивается вывод о древнем происхождении письма андских индейцев. Окончательное решение этого вопроса зависит, конечно, от открытия древних памятников перуанской письменности. Следует отметить, что некоторые находки уже сделаны (например, камень с надписью, найденный Познанским в стене древнего храма). Можно предполагать, что древнеиндейская письменность деградировала в колониальный и последующий периоды.

Между прочим Грассо полагает, что кипу («узелковое письмо») не являлось чем-то принципиально отличным от иероглифического письма. Эта гипотеза, приписывающая узелкам, их цвету, количеству и расстоянию между ними качества иероглифов, не лишена интереса. Однако в рецензируемом труде она не развернута и представляется спорной.

К сожалению, в книге Ибарра Грассо, помимо спорных и проблематичных положений, встречаются утверждения, которые должны быть отвергнуты.

Совершенно несостоятельны соображения автора о том, что иероглифическая письменность (с расположением знаков в линию) возникла под влиянием «письменности на глине» (при помощи упоминавшихся глиняных фигурок на глиняных дисках и прямоугольниках). Расположение знаков в линию обусловлено тем, что письменность передает по порядку все слова предложения в отличие от пиктографии. «Письменность на глине», несомненно, явление вторичное.

Грассо пытается доказать превосходство андской иероглифики кечуа и аймара над письменностью майя. Здесь автор был введен в заблуждение работами ученых США, которые считают эту письменность идеографической. В действительности письменность майя, как и письменность перуанцев, иероглифическая². Таким образом, обе древние цивилизации на американском континенте имели письменность того же типа, как и древнейшие цивилизации Старого Света (Китай, Шумер, Египет).

Принципиально неверно положение о том, что письменность («прото-письмо», по выражению автора) возникла в одном месте в Старом Свете и оттуда затем распространилась по всему миру. Этот тезис «культурно-исторической» школы слишком нелеп, чтобы его серьезно опровергать, и весьма странно встретить его у столь компетентного автора.

Ю. Зубрицкий

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Dick Scott. *The Parihaka Story*. Auckland, 1954.

Книга Дика Скотта «Повесть о Парихаке», вышедшая в 1954 г. в Окленде (Новая Зеландия) в издательстве «Книги Южного Креста», представляет большой интерес. Она посвящена борьбе народа Новой Зеландии против захвата страны английскими колонизаторами. Парихака — селение на западном берегу Северного острова, в области Таранаки, опорного пункта движения, которое развивалось в 60—80 гг. прошлого века, как последняя волна сопротивления народа маори. Так называемые маорийские войны и борьба за независимость, продолжавшаяся после официального замирения 1872 г., освещены в литературе слабо, и главное — тенденциозно. Книга Скотта — одна из первых, если не самая первая, — восстанавливает историческую истину и правдиво излагает события, связанные с движением Те-Вити. На основании документов и официальных сведений, как и сообщений очевидцев-англичан, Скотт доказывает, что военные действия и насилие, разрушения мирных селений и массовые убийства женщин и детей были вызваны лишь стремлением колонизаторов возможно быстрее поработить народ Новой Зеландии, установить полное владычество Британской империи. Мирные маори не давали никаких поводов для жестокостей, чинившихся английской солдатчиной, — об этом свидетельствуют врачи, священники и многие другие участники позорной кампании разгрома Парихаки.

С другой стороны, сообщения очевидцев маори и некоторых англичан дали возможность автору обрисовать положение сопротивлявшихся. Описано селение Парихака на территории маори, в так называемой «Стране Короля», которую они отстаивали в течение десятилетий. Описана деятельность их вождя Те-Вити-О-Ронгомай, установившего особые порядки в Парихаке и сделавшего это селение центром борьбы за независимость. Автор ярко показал, что Те-Вити стремился к развитию мирной жизни Парихаки, делал все от него зависящее, чтобы мирными средствами, без применения

² См. работы Ю. В. Кнорозова «Древняя письменность Центральной Америки», «Советская этнография», 1952, № 3; «Письменность древних майя», «Советская этнография», 1955, № 1.